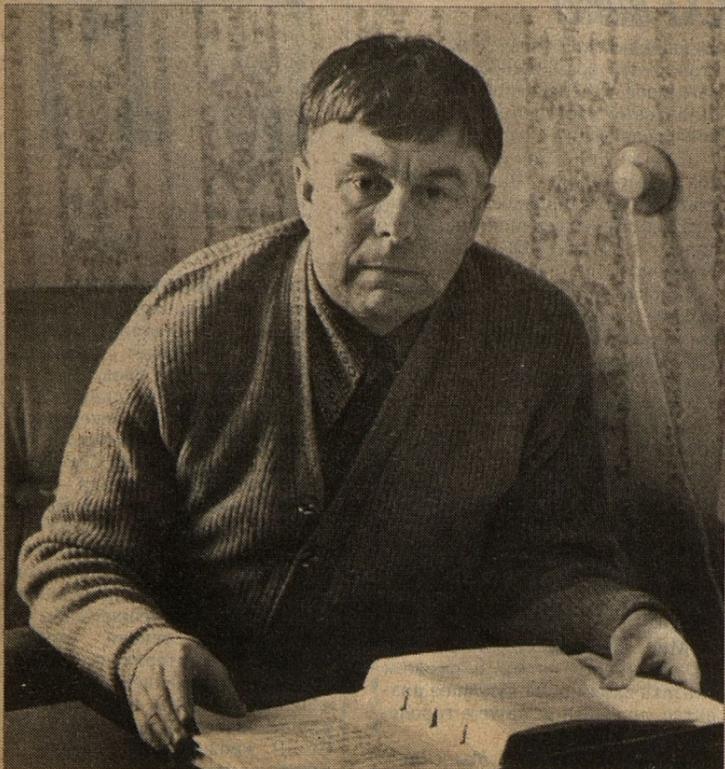

О КНИГЕ, О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ • О КНИГЕ, О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ • О КНИГЕ, О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Анатолий ПРИСТАВКИН:

Кн. обозрение - 1999 - 29 нояб - с. 4-5

«ВПЕРВЫЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»

У Анатолия Приставкина были суровое детство и беспокойная юность. Теперь у него до предела загруженная, но и в чем-то «боевая» зрелость. В детстве его били на базарах, где приходилось продавать пяток лиц, чтобы выжить, и били в «ментовках», где он думал найти защиту. В отрочестве он бежал из детдома босиком по снегу, чудом не замерзнув в пути, а в молодости обостренное чувство справедливости толкало его к написанию невозможных в советском обществе текстов. Все это привело к тому, что в зрелые годы Приставкин стал настоящим донором: еженедельно по вторникам он сдает свою кровь в Комиссии по помолованию, которую возглавляет. Один литр, два, три? Неизвестно. Но так и кажется, чем больше он отдает своей крови на скрепление разбитых и изрезанных судеб — тем больше ему остается. Кроме того, работа в Комиссии сконструировала внутри Приставкина небывалый роман. Этот роман — настоящая книга жизни. Книга аномальных зон, книга смерти, которая должна помочь подняться из склепа лагерей остаткам душ. Чтобы они наполнились новой жизнью.

В ЛИТЕРАТУРУ ЧЕРЕЗ
ПОЛОВЫЕ ОРГАНЫ
НЕ ВХОДЯТ!

— Что сейчас происходит с книгой как таковой? Какая самая болевая точка в современном книгоиздательском процессе? Что не должно бы происходить на сломе веков, а происходит? Чего, Анатолий Игнатьевич, не было в культуре при переходе от XIX века к XX, а сейчас есть?

— Сейчас цензура политическая, идеологическая заменена цензурой коммерческой. Эта самая «коммерческая цензура» здорово ударила по молодым. Какие-то имена эту новую систему барьеров проламывают. Какие-то — нет. Вдруг, к примеру, я узнаю, что Андрей Битов (имя не маленькое!), только взяв у президента деньги, издает собственную книжку. Даже он не проламывает уже эту стену! Из № 42 «КО» я узнал, что Солженицын вышел пятью изданиями в России. Ну, здесь и десять изданий могло быть. Исаич олицетворяет наш век, наше время. Это одно из немногих имен, что перешагнет порог века. А что же делать ребятишкам? А другим писателям? Вот Миша Рощин, великолепный писатель, тончайший, до конца еще не оцененный (есть у него вещи совершенно поразительные: «24 часа в раю», рассказ «Бунин в Ялте»), тоже проломить эту стену молчания не может. Все эти люди должны выпрашивать, попрошайничать, искать не слишком обремененного нравственностью издателя или коммерсанта, который снизойдет до того, что протянет им

руку. Этого не должно быть. Да, Морозовы были всегда. Но не к ним шли попрошайничать, а они просили людей искусства, писателей: давайте музей организуем, давайте картину купим! Не было писательского нищенства. Вот я профессор (по западной шкале) Литинститута. У меня на курсе невероятное талантливые ребята. А те, кого я выпустил раньше, у кого были первые хорошие публикации, — они исчезли. Один пошел торговать пылесосами, другой — ботинками. Мы теряем нашу литературную молодежь.

— А какие пути вы видите для преодоления этой ситуации? Конечно, культура меценатства у нас нулевая. Ханнул — и за рубеж. Так думают многие наши «денежные мешки». Ну так, может, государство само обратится к потенциальным меценатам, тряхнет их чуть-чуть: пусть нищим писателям помогут!

— 20 миллиардов рублей выделено до конца этого года на войну в Чечне. Я спрашиваю, откуда у вас денежки, ведь ни копейки не было? Отвечают: а за счет улучшения сбора налогов. Да и нефть подорожала и еще кое-что. Эти доводы я черпаю из кулуарных разговоров. Спрашиваю: так не лучше ли пенсионерам отдать? Или на культуру, на искусство? Но на меня только глаза тарачат — недоумение полное! На войну — это понятно, а на культуру — это непонятно. Совершенно необъяснимые вещи происходят: создали террористов, чтобы потом с ними бороться.

— Губя презрением и небрежением и русскую культуру, мы

в XXI век входим духовно нищими, ободранными, внутренне порожними.

— Нет, знаете, загубить культуру — нельзя. Вот вам пример. Мне однажды пришлось плыть с двумя-тремя писателями по Ангаре. Дали нам катер, мы плыли по Братскому морю, выступали. И вот на этом пароходике плыл с нами один странный поэт из Иркутска, писавший частушки. Братское море создавалось на местах, освоенных русскими казаками. До них был там песок, и только. Но за триста лет землепользования накопился перегной, может, метр перегной. Кругом тайга на песке, а вдоль Ангары — перегной. Тогда еще шла дискуссия, один ученый (кажется, Шерстобаев) из Иркутска попытался полемизировать с самим Хрущевым по поводу строительства здесь моря. Ученый писал: вы всё размоете, а люди триста лет здесь гумус зарабатывали! Ученого, конечно, затюкали моментально. От имени Хрущева выступили все, кто мог. Я тогда как комсомолец возмущался: какой-то там Шерстобаев указывает ЦК — строить или не строить! Так вот, поэт наш, он все смотрел и говорил: а вдруг не все уничтожат? Если убрать Братскую ГЭС, может, там хоть полметра, хоть сантиметр этого слоя останется? На нем опять можно начать что-то выращивать. То же и в нашей культуре. Такое же «братское море» мы разлили в 1917 году на черномозгах русской истории и культуры! Но ведь что-то же осталось? Маленький слой? Ничтожка? Она тянулась! Бунин, хоть и жил во Франции, он же никуда не уходил из нашей литературы. И дождал до того, что у нас его опять издавать стали. Ахматова, Пастернак — они все вышли из той «смытой» культуры. Булгаков, например, помнил дореволюционную Россию, потом появились такие самородки, как Андрей Платонов. Ничего до конца не исчезает! И если мы станем пусть хоть сантиметровым перегноем, то на нем уже можно будет наращивать новый слой. Опять не идут из головы молодые: ребята не знают, как жить дальше! Выпускники Литинститута звонят мне. Они знают языки, компьютерное дело. Единственный их недостаток — я их приучил к нравственности. Вот и подходит ко мне выпускница и говорит: «Анатолий Игнатьевич, не могу найти работу, нашла одну — а там сожительство надо». Что я ей скажу? Что в литературу не входят через половые органы?

ЖАЛОБНАЯ ПЕСНЯ
ДЛЯ УСПОКОЕНИЯ
СЕРДЦА

— Перечитывая ваши книги, я в одной из вещей, в «Голубке», нашел эпиграф из Камю. Он звучит примерно так: «Говорят, что великие идеи приходят в наш мир на крыльях голубя. И может, если мы прислушаемся, услышим среди грохота империй и наций как бы слабый шелест крыльев, мягкое движение жизни и надежд». Тогда, в 60-е годы, надежда у вас была. А сейчас? Молодые люди, о которых вы рассказываете, они ведь еще лет пять не будут иметь работы, не будут сожительствовать, а потом или поумрут, или сломаются. Тогда не останется никакого слоя. Ваши надежды, они не умерли?

— Нет, нет! Надежда не пропадает! У нас есть надежда конкретно и на ваше издание, вы же даете, хоть и понемногу, молодых, есть для них «Арион», есть «Континент». Вот я участвую в жюри конкурса «Москва—Пенне». В прошлом году мы дали премию замечательному писателю Андрею Волосу. Но, конечно, «отсев» слишком большой. Мы с вами можем говорить лишь о миллиметрах спасенных! Иногда думаешь: Господи, все растеряли! Один уехал, другой застрелился, третий сбежал. Теряем, теряем, а все равно что-то есть! Такая вот мы нация духовно богатая. Но, конечно, при переходе от XIX века к XX — наше богатство было неизмеримо больше.

— Поговорим о вашей прозе, о ее пружинах, о ее поэтике. Есть в прозе вашей такая интересная, на мой взгляд, противоположность. И «Голубка», и «Ночевала тучка золотая», и последний роман «Долина смертной тени» названы поэтично, а сбиты крепко, жестко. Да и сама ткань вашей прозы скорей жесткая, нежели воздушно-поэтическая. Жесткая как прием, а не только как «ужесточенная» действительность. Эта материя прозы вроде бы противоположна вашему стремлению к поэзии. Как вы к этому стилю пришли, как вообще строите прозу? Отрабатываете какой-то прием или просто выписываете внутреннее ощущение?

— Вы не назвали еще дорогих для меня «Кукушат». Я их люблю больше «Тучки...», это о детях репрессированных родителей, для них ведь были тоже лагерь. Печаталась эта повесть в «Юности», потом вышла отдельной книгой. Немцы ее издали раз десять. Сейчас они сняли фильм о моем детстве. Решили через «Кукушат» снимать. В фильме даны эпизоды из моей собственной жизни, хотя мои родители и не были репрессированы. Но я очень много бродил по России, попадал в разные ситуации. В «Кукушатах» описано, как детдомовцы узнают, что одна женщина — Кукушкина, — спасая их от преследований и возможного уничтожения, давала им свою фамилию. Так в детском доме оказалось одиннадцать Кукушкиных. Ребята поднимают в детдоме восстание, некоторые гибнут. Мы ведь тогда разделились на две группы, разгромили детдом, одна группа благополучно ушла, другая группа была окружена МВДшниками и расстреляна. Это повесть из реальной жизни. Есть еще у меня роман «Рязанка». Он — путеводитель по другим моим вещам. Отвечая же на ваш вопрос, сразу скажу: я ведь писал стихи. И первый свой рассказ — сочинял как стихи. Я не знал, как пишут прозу. Что я умел в стихах, то я воплотил и в прозе. В «Кукушатах» есть «Жалобная песня для успокоения сердца». Это первое лирическое стихотворение нашего мира. Было у шумеров такое стихотворение. Я оттуда взял название. В одной строчке — целая поэма.

— Значит, ваша проза началась с поэзии... Нагая, жесткая проза идет именно от поэзии. Часто думают — наоборот. А иногда получается, что чем «поэтичней» человек, тем более нагую и неукрашенную прозу он пишет. Так — у Пушкина, так — у Лермонтова, у Бунина. «Темные аллеи» — это ведь о-

ромная сдержанность стиха, предчувствующего прозу. Прочитав «Тучку...», я получил шок. Не только от содержания, но и от сжатости поэтических посылов, уложенных в жесткие формочки прозы. Вы как писатель рассчитывали на такое шокое впечатление?

— Какой там шок! Я писал «Тучку...» тогда, когда нельзя было даже выговорить то, что там описано. Написав ее, я собрал друзей. Я только что приехал с Кавказа, привез канистру вина. На канистру вина и собрал. Думал, дай-ка прочту начало. Сели за стол, выпили, я стал читать. И вдруг я почувствовал злость окружающих ко мне. Прочел я им первую главу: детдом, подпол. Молчат. Говорю: давайте, выпьем. Нет, читай дальше. Я снова прочел. Опять молчат. Три часа читал. Вдруг все стали пасмурно и без слов расходиться. Я подумал: разозлились на меня окончательно. Никто не стал даже пить. А у меня была «Изабелла», густая, красная, натуральная, не с базара! Подходит ко мне один и говорит: «Что ты хочешь с этим делать? Спрячь. Ты что, ничего не понимаешь?» И стала моя рукопись ходить по рукам, ко мне приезжали, спрашивали... С Георгием Марковым смешно получилось. Мне передали: за тобой начинает охотиться «организация». Вызывали такого-то и такого-то. Я спрашиваю, что делать? Мне и посоветовали: отнесите к Георгию Моисеевичу. Официально. Положи на стол и скажи, что ничего не скрываешь. Но учти, он уже читал рукопись. Так я и сделал. Принес, Марков удивился: «Ах, вы написали?» — «Да — написал». — «Ну, давайте прочту». После этого Марков мной занялся и стал пробивать кусок из рукописи через «Литературную газету». Иногда он говорил мне: «Никак не пойму, почему они не хотят печатать?» Потом обсуждали рукопись в Союзе, сохранились пленки, из кармана записанные. Феликс Кузнецов магнитофоны включить не разрешил. Полгода не хотели проводить этого обсуждения, потом сто человек затолкали в каминную комнату, многие стояли на лестнице, подготовили всех секретарей, чтобы они выступили. А с моей стороны неожиданно пришли Евтушенко, Черниченко, не помню сейчас всех имен. И вдруг их всех словно придавили как-то. Выступать никто не стал. Один Феликс Кузнецов, проводивший обсуждение, говорил: «Нет, Приставкин не передаст это на Запад. Вы не думайте так! Не подводите его». Феликс Кузнецов заговорил об этом сам. И это было очень смешно. Кстати, он интересно закончил: «Если бы Приставкин убрал чеченцев! Они совершенно не нужны... А знаете? Давайте помечтаем! Вот немецкий отряд заблудился в горах. И выходит к детям. Фашисты видят детей и их убивают. Вот это поворот, вот это ново!» Когда-нибудь, если хватит сил, напишу повесть о повести. У меня сохранились отклики, я ведь ходил по журналам и каждый раз записывал, что мне говорили. В «Октябре» два раза был: каждый раз демагогия, и ничего больше. «Новый мир» — два раза. «Дружба народов»... Я приехал в Переделкино, ко мне вышел пьяный Баруздин со спущенными штанами, поглядел на меня, заплакал и сказал: «Не могу я с тобой

29.11.99
Приставкин
Анатолий

О КНИГЕ, О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ ● О КНИГЕ, О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ ● О КНИГЕ, О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

ПОЛУЧИЛА КЛЮЧИ ОТ ТЮРЕМ!»

говорить, приходи на работу». Баруздин ездил в черной машине, а я стоял с сумочкой просителя. Все эти хождения-прошения записаны в дневнике. Я его недавно стал листать, оказалось, 100 страниц хождений по журналам записал.

ВСЕ ТРУДНОСТИ — ИЗ-ЗА КОМИССИИ

— Ну а что представляет собой жизнь писателя Приставкина сейчас: в нынешнем году, в нынешнем месяце? Чем вы заняты, о чем думаете?

— С тех пор как вышла «Тучка...», жизнь у меня изменилась круто. Она принесла мне известность, таксисты меня узнавали. И это наложило отпечаток. Стали обращаться люди с личными просьбами, с просьбами общественными, меня включили во множество организаций, от которых нельзя было отказаться, — общественно-милосердных, помогающих детям, инвалидам. Главным же результатом такой известности стала Комиссия по помилованию, от которой тоже невозможно было отказаться.

— Кто вас пригласил в эту Комиссию?

— Сам Ельцин. В первых главах моего нового романа написано об этом. Все мои смуты, мои семейные проблемы — из-за этого. Алесь Адамович на каком-то вечере в ЦДЛ передал, что меня разыскивает Сергей Ковалев. Я знал его как известного правозащитника, в это время он руководил Комитетом по правам человека в Верховном Совете. Вскоре он позвонил сам: «Анатолий Игнатьевич, только не отказывайтесь!» Я спрашиваю: «От чего?» Он говорит: «Дело в том, что мы тут подумали и решили, что вы можете возглавить Комиссию по помилованию при президенте. Это просто необходимо. Иначе придут чужие люди, казнители придут». Я сказал, что ничего в этом не понимаю. Не знаю даже, что такое помилование. А вот первая реакция моей жены: нам нужен отец (ребенок мой был совсем маленьким), и нам нужен живой муж (а там криминал), и нам нужен писатель, который может и должен писать. Жена стояла на этих тезисах и стоит до сих пор. Я два месяца сопротивлялся, и тогда Ковалев приехал ко мне ночью поговорить. За бутылкой «чебурашки» мы разговорились. Это была решающая встреча. Ковалев — старый зек. Прощаясь, он сказал: «Ну, договорились». Хотя мы ни о чем не договаривались. Потом мне сказали, что мою кандидатуру утвердил сам президент. Первый состав Комиссии был невероятно удачным: в него вошли Кома Иванов, уехавший ныне в Америку, Роберт Рождественский. В основном те, кто пришел в самом начале, сохранились (кроме умерших) в Комиссии и до нынешнего времени. Но оказалось, одно дело — добрые намерения, другое — возможность пробить чиновничью стену. Я ходил из кабинета в кабинет, утверждал список, никто не хотел его подписывать. Я внутренне и внешне не вписался в эту структуру, мы оказались Комиссией нестандартной, что ее сберегло потом. Нас все время «пытали»: где генералы МВД? где Генеральный прокурор? почему — писатели, что писатели понимают в этом деле? Мы сгорали, сжигали

себя, прикасаясь к делам. А самосохраняемся до сих пор благодаря какому-то внутреннему чувству гражданского долга, обязанности перед обществом. Может, это высокие слова. Но именно они привели нас в Комиссию. Никаких дивидендов, кроме оплеух и слухов, никто не получил. Есть, конечно, письма с благодарностью, но они редки. И они — не главное! Главное — впервые в России создана Комиссия не из генералитета. Впервые интеллигенция получила ключи от тюрем! Кто же откажется? Чехов ведь не отказался, поехал на Сахалин, хотя и сократил свою жизнь из-за этой безумной поездки. Кто сейчас может вспомнить, кому он (Чехов) помог из каторжан? Но это был долг, святой долг! Я в какой-то книжке прочел: писатель свою нравственность выражает в произведениях, а в жизни он может быть совершенно безнравственным. Я за то, чтобы жизнь человека совпадала с его произведениями. 5 марта 1992 года Комиссия приступила к работе. Той весной я от метро ходил пешком на Краснопресненскую набережную весь мокрый. Однажды меня, мокрого, увидел Сергей Ковалев. Он спросил: «У вас что, машины нет?» Тут же позвонил, попросил вызвать шофера. Так впервые я поехал на черной машине. Честно говоря, я тогда пожалел Ковалева, а не себя. Он вот и «сидел» и прочее. А уже привык к черным машинам. И когда мне дали машину, велели галстук носить, я несколько месяцев не выходил к шоферу. В конце концов мне сказали: «Водители — наши работники. Они должны два раза в день отмечаться, вы их ставите в неудобное положение». А еще — кабинет. Он меня очень долго смущал, до сих пор смущает. Это ведь не кабинет, а зал. Здесь сидел Пуго. Здесь совершались гражданские казни, исключали из партии высоких сановников, некоторых знаменитых людей. Они летели под откос, в соседней комнате всегда дежурили санитары. Мы делаем нечто обратное. Взять двух капитанов столкнувшихся кораблей, которым Политбюро заранее вынесло смертный приговор (Алиев тогда руководил этим). Мы долго проверяли это дело. У них было судно старое-старое, однокорпусное, без перегорода, списанное. Радисты с берега не давали сигналов, было много накладок. Но все на капитанов свалили, потому что нужно было. Нам говорили: были демонстрации в 500 человек, будут и в 1000! Вас просто растерзают, если вы пойдете на их помилование! Но мы пошли на него. Капитаны сидели по 10 лет к тому времени, один сошел с ума. Нам их было жалко по-настоящему. Они были жертвой нашей технической политики, которая тоже летела тогда под откос. Потом пошли дела смертников.

Страшные преступники, с одной стороны, а с другой стороны, мы пришли с твердым желанием — казни в России прекратить! Хотя бы своей грудью закрыть эту амбразуру. Но в конце концов эти семь-восемь лет оказались той школой, где мы отшлифовали и свои убеждения, и свои взгляды. Результатом сложной внутренней борьбы стал мой новый роман. Я когда-то начинал вести дневники, аккуратно записывал все, чтобы форму не терять. Это было един-

ственное, что я мог тогда делать... Роман разделен не на главы, а на зоны. Каждая зона посвящена чему-то определенному. Одна — бытовым преступлениям, другая — смертникам. Третья — воинским преступлениям, четвертая — лагерным женщинам. Одна из самых страшных зон — зона маньяков. Книга не могла, конечно, вместить и десятой доли материалов, но удалось «кирпичи» эти создать, и каждый кирпич сохранил какую-то определенную форму. В романе три книги, каждая книга по 15 листов примерно. Первая книга печатается в журнале «Дружба народов», вторая, третья нигде пока не печатаются.

10 ЛЕТ ПОЧИНКИ ЭЛЕКТРОПРИБОРОВ

— Скоро сменится президент. Сменится и окружение. Вы останетесь в Комиссии и при смене курса или нет больше внутренних сил спасти смертников?

— Знаете, мы все устали от Комиссии. Все зависит от того, какой придет президент. Президент ведь сам занимается помилованием, это его конституционное право. Таким образом, президент устанавливает не закон о помиловании (такого не может быть ни в одной стране мира), а просто милует. Президент Франц Миттеран — не миловал преступников по отношению к детям. Это его право. Ему таких дел не подавали никогда. У Бориса Николаевича Ельцина — свои предпочтения. Иногда ему казалось, что мы слишком мягки, иногда — слишком жестки. Кстати, создавали и комиссию по расследованию нашей деятельности. Да, нас обвиняли, я видел документы, они хранятся у меня и вошли в роман. Я думаю, что Комиссия самосохранилась не только благодаря желанию каждого, а потому что она нашла некую сцепку. Кто что написал, сразу приносили, дарили книжки... Между прочим, из всех кандидатов в президенты приличную позицию по смертной казни занимает только Явлинский. Остальные — Примаков, Лужков, Зюганов — за сохранение смертной казни. Мы не будем работать с теми, кто выступит за смертную казнь. Наша позиция твердая, тем более мы достигли многого. Но новый президент, пришедший к власти, может переменить свое отношение, власти достигнув. Лебедь, например, и сейчас говорит, что надо казнить больше. Будущий президент посмотрит, устраивает его председатель или нет. Ведь председатель — это, по сути, и есть Комиссия.

— За эти восемь лет у вас как у писателя были книги, которые вы не написали? Когда чем-то занимаетесь очень плотно, образуются внутренние пустоты — появляются ненаписанные книги. Есть у вас книга, о которой вы горюете, что не написали ее?

— У меня лежит неоконченный роман о Котошихине. Я очень люблю время Алексея Михайловича, а его самого чуть больше, чем Петра, который всех восхищает.

— Алексей Михайлович сделал в некоторых вопросах не меньше Петра...

— Больше, больше! Он подготовил Петра. Он и сам интересный прошел путь — от темного человека до зрителя первых российских театров. И хотя он со-

скоморохами боролся, но зато и светский театр организовал. Тishайший — вообще человек очень интересный, но не он герой моего романа. Герой — человек, который работал у него в иностранном приказе, а сбежал от интриг. В Швеции по просьбе короля он написал свой знаменитый труд и заканчивал его уже в тюрьме. Я специально ездил в Швецию, искал место казни Котошихина. В библиотеке я осмотрел стол, на котором его разделявали (Котошихин продал свое тело анатомическому театру), и скелет его, говорят, цел. У меня есть и протоколы суда над Котошихиным, убишим, видимо, по пьянке, своего хозяина. Благодаря всему этому зародился роман. У меня был период — 10 лет меня не печатали. С 77-го или 78-го я чинил электроприборы. Я думаю, было внутреннее распоряжение милиции или КГБ о том, что я прощтрафился. И до 87-го года практически ничего не выходило. Я очень рано вступил в Союз, в 30 лет, но я ни разу никуда не выбирался, ни разу не посылался ни в одну поездку не только

за рубеж, но и внутри страны. Я знаю почему. После того, как я упомянул Солженицына в Воркуте, оттуда из обкома поступила информация в ЦК, из ЦК — в Союз. В СП тут же приняли меры. Вот тогда, в минуты молчания, я приступил к Котошихину, зная, что мне хватит этой судьбы очень надолго. Есть еще какие-то незавершенные вещи, не буду распространяться. Помните, что говорил Толстой, когда ему 70 лет исполнилось? «Вы знаете, я вдруг обнаружил, что каждый день я записываю новые сюжеты, которые хотел бы исполнить, но если их все исполнить, мне нужно еще прожить сто лет». Так вот, у меня где-то записаны сюжеты, которые я хотел бы исполнить, но сил, конечно, не хватит. Котошихина я, может, и не завершу, потому что роман был задуман объемным. И все же сейчас все мои мысли — о «Долине смертной тени», о том, сможет ли она воздействовать на умы и души россиян.

Беседу вел
Борис ЕВСЕЕВ

СЕМЬЯ: ЖЕНА МАРИНА И ДОЧЬ МАША

